240 378

Книгоиздательство „ЗНАНІЕ—СИЛА“.

О. А. ВОЛЬКЕНШТЕЙНЪ.

ВЕЛИКАЯ СМУТА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

2-е изданіе, исправленное и дополненное.

А. О. Р. Инв. № 339
Арх. № 1903.732 К
1930 г.

Цѣна 30 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательское Т-во „ЗНАНІЕ—СИЛА“.
1917.

1952 г.

Типографія І. Лурье и К°., Птгр. Гороховая, 48.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Склады изд-ва: { Петроградъ, Казначейская 6, тел. 578-58.
Москва, Кн. Скл. „Наука“, Б. Никитская 10.

1952 г.

9(с)13
В71
240
378

Великая смута земли русской

(1584—1613).

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1457212

„И снова тѣ люди составили рать, и снова воздвигли брань больше первой и вмѣсто тишины дохнули бурю, вздымавшуюся до облакъ и грозившую многомятежными дождями,—не водными, а кровавыми".

Старинное сказаніе.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.в. въ русскомъ государствѣ возникла великая смута. Русскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки и притомъ не всегда обычнымъ путемъ: одного царя свергли съ престола, двухъ убили; бывало по два, по три царя разомъ, и тогда возникала междоусобная брань, и братъ шелъ на брата. Въ ту смутную пору бѣдные ополчались противъ богатыхъ и шли на нихъ войною. Иноземные враги, воспользовавшись сумятицей, заполонившей русскую землю, вторглись въ предѣлы русскаго государства и пытались даже завладѣть русскимъ престоломъ. И была въ ту пору великая разруха земли русской; казалось, Руси пришелъ конецъ.

Лишь съ большимъ трудомъ удалось русскому народу отразить внѣшнихъ враговъ и установить въ своемъ государствѣ подобіе порядка.

Но для того, чтобы понять всѣ происшествія смутнаго времени, необходимо прежде всего ознакомиться съ тѣмъ, что представляла собою Россія того времени, какіе въ ней господствовали порядки, каковы были причины, вызвавшія всеобщее недовольство и повсемѣстное броженіе въ странѣ.

I.

1.

Беззаконіе и произволъ царили въ XVI в. въ русской землѣ. Во главѣ государства стоялъ царь, власть котораго ничѣмъ не была ограничена. Никто изъ подданныхъ, какъ бы высоко онъ ни стоялъ, не смѣлъ противорѣчить волѣ государя. Имущество и самая жизнь подданныхъ всецѣло

находились въ его рукахъ. Онъ могъ казнить людей, отбирать въ казну ихъ имущество, и никто не смѣлъ заикнуться о томъ, что это беззаконно, напротивъ, всѣ твердили, что воля государя—это Божья воля, и государь—исполнитель воли Божьей.

Русскіе люди думали тогда, что государь не простой правитель государства, который долженъ только управлять страной на благо своихъ подданныхъ; они считали его собственникомъ какъ ихъ имуществъ, такъ и ихъ жизней.

Холопство даже высшей знати доходило тогда до того, что въ своихъ челобитьяхъ на имя царя бояре такъ и подписывались: „твой холопъ Ивашка или Ѳедька“, „твой мужикъ Петрушка“, „твоя рабица или раба твоя“; слуги бояръ, тѣ прямо писали: „человѣкъ твой“.

И хотя при царѣ и состоялъ совѣтъ изъ бояръ,—Дума, которая сообща съ нимъ должна была обсуждать дѣла, но царь приглашалъ въ нее бояръ по своему выбору, и думные бояре не смѣли ни въ чемъ противорѣчить государю.

Законовъ въ Россіи почти не существовало, и судьи рѣшали дѣла по своему разумѣнію. Иностранцы говорили тогда о Россіи, что въ ней существуетъ только одинъ законъ—изустный, т. е. воля государя и судей.

Простого доноса было достаточно, чтобы обвиняемый подвергся пыткѣ. Обвиняемаго били кнутомъ изъ воловьей кожи шириною въ палецъ, такъ что каждый ударъ производилъ рану; привязывали къ вертелу и жарили на огнѣ; ломали или вывертывали руки и ноги раскаленными щипцами... Самымъ ужаснымъ родомъ пытки была дыба. Подсудимаго со связанными назадъ руками вздергивали на воздухъ; къ ногамъ привязывали толстый брусъ, на который вскакивалъ „заплечный мастеръ“. Чтобы усилить страданія, подъ ногами подсудимаго раскладывали костеръ. Смертныя казни были самыя разнообразныя: людей сажали на колъ, вѣшали, топили, бросали подъ ледъ. При этомъ судъ не былъ равнымъ для всѣхъ: къ знатнымъ боярамъ судьи были гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ простолюдинамъ. Взятки были обычнымъ дѣломъ. Судьи не гнушались брать мзду и съ обиженнаго, и съ обидчика, при чемъ дѣла рѣшали въ пользу того, кто больше давалъ.

Вообще, что касается всяческихъ поборовъ, то чиновники прямо-таки грабили народъ. Каждый спѣшилъ какъ можно больше нажиться въ самый короткій срокъ, прежде чѣмъ будетъ смѣщенъ.

Много средствъ требовала съ народа также и казна. Дѣло въ томъ, что въ XV и XVI в.в. Россія вела войны со всѣми своими сосѣдями—

татарами, литовцами, поляками и шведами, стараясь оттягать у нихъ новыя земли. Особенно тяжелой была борьба съ татарами, постоянно тревожившими русскую землю своими опустошительными набѣгами. Для этихъ войнъ нужно было сильное войско и много денегъ для его содержанія. А такъ какъ денегъ въ казнѣ было мало, то вмѣсто жалованья „служилому“ (военному) сословію стали раздавать земли въ помѣстье. Крестьяне же, воздѣлывавшіе эти земли, обязаны были своимъ трудомъ содержать своихъ новыхъ хозяевъ и кромѣ того уплачивать въ казну подати.

Такимъ образомъ, всѣ денежныя повинности лежали на тягломъ крестьянскомъ населеніи.

Тяжела была крестьянская доля. И переходили крестьяне изъ одного помѣстья въ другое, отъ одного владѣльца къ другому, въ поискахъ лучшей жизни. Были они еще вольными хлѣбопашцами и къ землѣ не были прикрѣплены.

Но какъ разъ эти крестьянскіе переходы и оказались неудобными для служилаго сословія. Крестьяне старались отъ мелкихъ землевладѣльцевъ переходить къ богатымъ, у которыхъ жилось привольнѣе, и мелкіе землевладѣльцы оставались безъ рабочихъ рукъ. Кромѣ того служилые люди обязаны были вносить въ казну подати, которыя они собирали съ крестьянъ. Когда же крестьяне стали уходить отъ нихъ, то и платить было нечѣмъ.

Поэтому служилые люди всячески старались не отпускать крестьянъ изъ своихъ помѣстьевъ, закабалять ихъ себѣ. То давали имъ денегъ въ долгъ и потомъ принуждали отрабатывать долгіе годы, а то и всю жизнь, то спаивали и въ пьяномъ видѣ заставляли крестьянина писать на себя кабалу. А правительство не мѣшало служилымъ людямъ закрѣпощать себѣ крестьянъ и даже издавало такіе указы, которые все это беззаконіе узаконяли. Оставленъ былъ крестьянамъ только одинъ день въ году для переходовъ—Юрьевъ день. Да и тотъ потомъ отмѣнили. Оттуда и взялась русская пословица: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“.

Такъ, шагъ за шагомъ, и стали крестьяне крѣпостными, кабальными людьми. Служилый человѣкъ, помѣщикъ преслѣдовалъ сбѣжавшаго отъ него холопа, возвращалъ его на мѣсто, самъ же его судилъ, самъ наказывалъ. Все, что крестьянинъ вырабатывалъ, уходило или въ казну, или въ карманъ помѣщика.

Но русскій народъ не хотѣлъ подчиниться своей рабской долѣ и толпами сталъ убѣгать со своихъ земель. Иностранцы, пріѣзжавшіе тогда въ Россію, разсказываютъ, что видѣли много деревень, въ которыхъ нельзя было встрѣтить ни одного человѣка.

Куда же уходили русскіе люди? Въ тѣ степи, которыя тянулись на югѣ русскаго государства, на новыя, отвоеванныя у татаръ земли по Волгѣ и Камѣ, на Днѣпръ и Донъ, гдѣ гуляли вольные казачьи отряды *).

Здѣсь не могли ихъ настичь цѣпкія руки, превращавшія ихъ въ рабовъ. Здѣсь создалась та русская вольница, которая въ смутную пору пошла войной и противъ жадныхъ помѣщиковъ, и противъ ненавистныхъ порядковъ.

Недовольны были московскими **) порядками также и торговые люди, потому что очень ужъ стѣснена была торговля. Множество поборовъ и пошлинъ приходилось уплачивать купцамъ.

Не были довольны также и знатные бояре и князья. Они были потомками прежнихъ владѣтельныхъ князей, которымъ принадлежали огромныя вотчины. Они были горды своимъ происхожденіемъ, а московскій государь постоянно показывалъ имъ, что они его подчиненные, а онъ самодержавный царь.

2.

Совсѣмъ невмоготу стало жить русскимъ людямъ при царѣ Іоаннѣ IV Грозномъ. Онъ постоянно опасался измѣны, особенно со стороны знатныхъ бояръ и князей, и потому ссылалъ и казнилъ ихъ, а имущество отбиралъ въ казну. Многіе изъ нихъ бѣжали тогда въ Польшу и Литву, а это еще болѣе усиливало гнѣвъ Грознаго царя. Особенно раздражалъ его одинъ изъ „отъѣхавшихъ“ отъ него князей, князь Андрей Курбскій. Онъ писалъ царю изъ чужбины такія насмѣшливыя письма, что царь приходилъ въ ярость. А наказать дерзкаго холопа никакъ не могъ: вѣдь, онъ былъ на чужбинѣ.

Хуже всего было то, что царь окружилъ себя особымъ отрядомъ тѣлохранителей—опричниками. Въ помѣстья опричникамъ онъ отдалъ княжескія земли, а прежнихъ владѣльцевъ-князей выслалъ на новыя пустыя мѣста. Многихъ отправили въ зимнее время пѣшкомъ, и большинство перемерзло дорогой. Многіе были также сосланы въ монастыри и пострижены. Другіе подверглись смертной казни.

И стономъ стонала вся Русь отъ опричины жестокаго царя. Опричники присягали царю въ томъ, что будутъ доносить обо всякой замѣченной ими

*) Казаками назывались тогда вольныя военныя дружины, которыя жили по окраинамъ Россіи, воюя съ внѣшними врагами. Они подчинялись собственнымъ своимъ начальникамъ—атаманамъ и отъ русскаго правительства не зависѣли. Оно же казаковъ не тѣснило, потому что казаки ограждали Русь отъ иноземныхъ враговъ, особенно отъ татаръ.

**) Москва тогда была столицей Россіи, а Россія называлась также Московіей, Московскимъ государствомъ.

крамолѣ. Знакомъ ихъ должности была собачья голова и метла, привязанныя къ сѣдлу. Это означало, что всякаго крамольника они растерзаютъ, какъ псы, а слѣдъ его выметутъ метлою. Ни суда, ни управы на опричниковъ не было.

И слуги царскіе пользовались своею безнаказанностью во всю. Обирали и грабили они, кого хотѣли, и множество людей пустили по-міру. Часто сами подбрасывали въ лавку купца какую-нибудь вещь и потомъ, обвинивъ въ воровствѣ, совершенно его разоряли. Доносъ опричника принимался на вѣру, и обвиняемаго немедленно подвергали пыткѣ, а то и смертной казни. Въ послѣобѣденное время царь нерѣдко самъ присутствовалъ при пыткахъ.

Невозможно описать всѣ тѣ беззаконія, какія опричники вмѣстѣ съ царемъ творили надъ мирными жителями, какъ они издѣвались надъ ними. Отнять чужую жену было обычнымъ дѣломъ.

„Узнаетъ, напримѣръ, царь, что у какого-нибудь знатнаго или незнатнаго человѣка есть красивая жена, приказываетъ опричникамъ похитить ее въ собственномъ ея домѣ и привести къ нему. Поигравши нѣсколько времени со своею жертвою, онъ отдавалъ ее на поруганіе опричникамъ, а потомъ приказывалъ отвести ее къ мужу. Иногда, опасаясь, чтобы мужъ не вздумалъ мстить, царь отдавалъ тайный приказъ убить его или утопить. Случалось, что царь потѣшался надъ опозореннымъ мужемъ. Ходилъ въ то время разсказъ, что у одного дьяка (чиновника) онъ такимъ образомъ отнялъ жену; потомъ... приказалъ повѣсить изнасилованную жену надъ порогомъ его дома и оставить трупъ въ такомъ положеніи двѣ недѣли; а у другого дьяка была повѣшена жена, по царскому приказу, надъ его обѣденнымъ столомъ.

Опричники не отставали въ своихъ похожденіяхъ отъ царя. Тогда многія женщины отъ стыда сами лишали себя жизни.

Множество жизней человѣческихъ успѣлъ загубить царь Іоаннъ Грозный, но ему все еще казалось, что не окончательно задушилъ онъ крамолу.

Особенно возненавидѣлъ Іоаннъ IV города: Новгородъ, Псковъ и Тверь. Когда-то эти города не хотѣли признавать власти московскихъ князей. Такъ вотъ, за прежнюю вину вздумалъ царь наказать непокорные города. Съ этой цѣлью затѣялъ онъ противъ нихъ походъ. И ужъ погуляли здѣсь опричники въ волю!

Дочиста ограбили всѣ дома въ Твери и Новгородѣ, а жителей всѣхъ,— старыхъ да малыхъ,—перебили безъ разбору. Многихъ побросали въ Новгородѣ въ рѣку Волховъ, а потомъ ѣздили на лодкахъ и баграми кололи тѣхъ, кто всплывалъ на поверхность воды.

До этого времени Новгородъ былъ богатымъ торговымъ городомъ. Послѣ царскаго нашествія весь Новгородскій край обѣднѣлъ, обезлюдѣлъ. Недобитые царемъ новгородцы сдѣлались нищими.

Псковъ спасся отъ неминуемой гибели только благодаря случайности. Царь былъ суевѣренъ. При въѣздѣ въ Псковъ, по сказанію, издохъ его любимый конь. Царь счелъ это за дурное предзнаменованіе и поспѣшилъ уйти изъ Пскова.

Вернувшись въ Москву, Іоаннъ сталъ искать соучастниковъ вымышленной новгородской измѣны. Триста человѣкъ были приговорены къ смертной казни. Всѣ они подверглись сначала пыткамъ. Осужденныхъ вывели на Красную площадь, гдѣ было разставлено 18 висѣлицъ и разложены разныя орудія казни: печи, сковороды, острые желѣзные когти, клещи, иглы, веревки для перетиранія тѣла пополамъ, котлы съ кипящей водой, кнуты и проч. Народъ, при видѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, бросился бѣжать отъ мѣста казни и попрятался въ погребахъ и на чердакахъ...

Въ своихъ жестокостяхъ Грозный царь доходилъ даже до того, что для потѣхи спускалъ на народъ медвѣдей.

3.

Таковы были порядки, господствовавшіе на Руси передъ Смутнымъ временемъ, таковъ былъ произволъ самодержавныхъ русскихъ царей, власть которыхъ не знала себѣ границъ.

Мудрено ли, что всѣ сословія русскаго народа, отъ высшихъ и до низшихъ, затаили въ себѣ ненависть къ существующему порядку, что по всей русской землѣ началось броженіе, которое при первой возможности должно было разразиться бурею.

Къ тому же русская земля терпѣла и отъ другихъ невзгодъ. Нѣсколько лѣтъ сряду былъ неурожай и свирѣпствовалъ голодъ; заразительныя болѣзни скашивали множество жизней. Съ Ливоніей тянулась изнурительная война; наконецъ, на Русь сдѣлали набѣгъ татары, проникли до Москвы и сожгли ее до тла. Современники исчисляли количество погибшихъ тогда въ Москвѣ людей чуть не до 80 тысячъ.

Таковы были порядки, таковы были бѣдствія, породившіе смуту въ Московскомъ государствѣ.

II.

1.

Въ мартѣ 1584 г. умеръ Грозный царь. Послѣ него остались два сына: слабоумный Ѳеодоръ (отъ первой жены Іоанна Грознаго Анастасіи, изъ рода Романовыхъ) и второй—малолѣтній Дмитрій (отъ послѣдней жены Іоанна, Маріи Нагой). Старшаго своего сына Иванъ Грозный убилъ въ припадкѣ гнѣва посохомъ, съ которымъ никогда не разставался.

Оба царевича были неспособны управлять государствомъ, и, какъ только царь закрылъ глаза, между родственниками царевичей возникла борьба за власть. На престолъ вступилъ старшій Ѳеодоръ, и властью завладѣлъ Борисъ Годуновъ, братъ жены Ѳеодора, Ирины.

Этотъ умный и хитрый человѣкъ опасался, какъ бы родственники царевича Дмитрія, бояре Нагіе, не попытались свергнуть съ престола слабоумнаго Ѳеодора. Тогда бы Борисъ потерялъ свою власть. Поэтому Борисъ сослалъ въ Угличъ и Дмитрія съ матерью, Маріей Нагой, и всѣхъ ихъ родственниковъ, Нагихъ. Затѣмъ были сосланы еще многіе бояре, казавшіеся Борису опасными. Нѣкоторые были умерщвлены. Кара постигла также и семью Шуйскихъ.

Впослѣдствіи разсказывали, будто Дмитрія, по дорогѣ въ Угличъ, подмѣнили другимъ ребенкомъ, а его самого увезли и воспитывали въ великой тайнѣ. Это сдѣлали будто бы его родственники, опасаясь злыхъ замысловъ со стороны Годунова.

2.

Итакъ, на русскомъ престолѣ сидѣлъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста съ блѣднымъ, одутловатымъ лицомъ, съ котораго никогда не сходила слабоумная улыбка. Принимая иностранныхъ пословъ, онъ игралъ царскимъ скипетромъ и державой и совсѣмъ не слушалъ ихъ рѣчей.

Неудивительно поэтому, что умный и способный Борисъ захватилъ въ свои руки всю власть въ государствѣ. Царя Ѳеодора народъ зналъ больше по имени, къ Борису же обращались иноземные послы, къ нему приходили челобитчики съ разными дѣлами. Когда онъ выѣзжалъ, народъ кланялся ему въ землю. А челобитчики, когда онъ говорилъ, что доложитъ ихъ просьбу царю, возражали: „Ты самъ нашъ государь-милостивецъ, Борисъ Ѳеодоровичъ; скажи только слово—и будетъ“.

Такъ Борисъ шелъ вѣрными шагами къ престолу. Чтобы легче достичь цѣли, онъ старался склонить на свою сторону служилыхъ землевладѣльцевъ. Они были военной силой въ странѣ и при ихъ помощи всего можно было достигнуть.

Мы же видѣли, что служилые люди кормились только съ тѣхъ земель, которыя были даны имъ въ помѣстья, и что для нихъ важнѣе всего были рабочія руки. Если крестьяне уходили съ ихъ земель, то служилымъ людямъ нечѣмъ было существовать. Поэтому Борисъ не только не мѣшалъ

закрѣпощенію крестьянъ служилыми людьми, но даже поощрялъ это. И потому множество крестьянъ бѣжало въ ту пору съ своихъ земель и уносили они въ своихъ сердцахъ тѣ сѣмена недовольства, которыя потомъ разрослись во всенародную смуту.

Старые знатные княжескіе и боярскіе роды, еще уцѣлѣвшіе отъ опричины Грознаго царя, тоже таили въ своей душѣ ненависть къ Борису, помимо нихъ завладѣвшему властью.

Это были тѣ тучи, которыя должны были разразиться всесокрушающей грозой.

3.

Къ тому же въ правленіе Бориса произошло событіе, которое стоустая молва приписала его кознямъ. Событіе это было — убійство царевича Дмитрія.

15 мая 1591 г. въ Угличѣ зазвонили въ набатъ. Отъ дворца бѣжали люди съ крикомъ: „Царевича не стало! Царица велѣла звонить“.

Набатный звонъ переполошилъ весь городъ; толпы народа бросились ко дворцу и увидѣли здѣсь мертваго царевича съ перерѣзаннымъ горломъ и царицу Марью, кричавшую, что царевича убили Волоховъ, Качаловъ и Битяговскіе. Это были люди, которыхъ Борисъ послалъ въ Угличъ для надзора за царевичемъ. Народъ учинилъ надъ ними самосудъ.

Борисъ немедленно послалъ въ Угличъ довѣренныхъ людей разслѣдовать это дѣло. Въ числѣ слѣдователей по дѣлу объ убійствѣ царевича былъ также Василій Ивановичъ Шуйскій.

Слѣдователи, въ угоду Борису, донесли, что царевичъ зарѣзался самъ, въ припадкѣ падучей болѣзни. Царица же Марья и ея братья Нагіе назвали Битяговскихъ и ихъ товарищей убійцами царевича, лишь изъ ненависти къ Борису. Вѣдь эти люди были посланы въ Угличъ Борисомъ, а потому онъ былъ какъ бы подстрекателемъ къ убійству. Царевичъ Дмитрій стоялъ, вѣдь, на пути Бориса къ престолу. Если бы Ѳеодоръ умеръ, царемъ сталъ бы Дмитрій, и тогда Нагіе отстранили бы Бориса отъ власти. Они не любили Бориса за свое униженіе, за ссылку, и внушали ненависть къ нему маленькому царевичу. Разсказывали, что царевичъ, унаслѣдовавшій отъ отца жестокій нравъ, затѣялъ такую игру: налѣпилъ изъ снѣга куколъ, назвалъ ихъ именами ненавистныхъ бояръ и всѣхъ поочередно изрубилъ въ куски. Бориса же предалъ самой лютой казни.

Все это было извѣстно Борису, и онъ, казалось, могъ бы желать смерти царевича. Поэтому легко было повѣрить слуху, что онъ подослалъ къ царевичу убійцъ.

Борисъ жестоко наказалъ всѣхъ, кто говорилъ, будто царевичъ зарѣзанъ. Царицу Марью сослали въ монастырь и постригли, Нагихъ разослали въ ссылку по разнымъ городамъ; угличанъ, убившихъ Борисовыхъ слугъ, казнили: инымъ порубили головы, другихъ утопили, третьимъ только отрѣзали языки. Наконецъ, всѣхъ жителей Углича перевели въ Сибирь и населили ими г. Пелымъ. Сослали въ Сибирь даже колоколъ, въ который звонили при убіеніи царевича Дмитрія.

И все же молва о томъ, что царевичъ убитъ по наущенію Бориса, передавалась изъ устъ въ уста, хотя все дѣло и осталось темнымъ.

4.

Царь Ѳеодоръ умеръ 7 января 1598 г. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ, и царскій родъ прекратился.

Борисъ и приближенные царя принесли присягу царицѣ Иринѣ. Но она немедленно отказалась отъ престола и постриглась въ монахини.

Русь осталась безъ царя. Что было дѣлать? Рѣшили избрать царя изъ царскихъ родственниковъ. Ибо не знали тогда русскіе люди, какъ и жить народу безъ царя.

Борисъ былъ уже близокъ къ престолу; но былъ еще и другой близкій родственникъ царя, Ѳеодоръ Романовъ, на которомъ могъ остановиться народный выборъ. Изъ рода Романовыхъ была первая жена Ивана Грознаго, Анастасія, мать царя Ѳеодора Ивановича.

Но за Бориса былъ патріархъ Іовъ, котораго Борисъ то и возвелъ въ патріаршескій санъ. Вмѣстѣ съ патріархомъ стояло за Бориса и все духовенство. Торговые люди тоже хотѣли Бориса, потому что Борисъ оказывалъ купцамъ разныя льготы. Простой же народъ еще не успѣлъ очнуться отъ ужасовъ опричины, да и привыкъ повиноваться духовнымъ пастырямъ.

Къ тому же пособники Бориса поѣхали по городамъ, чтобы собрать въ Москву такихъ людей, которые бы стояли за Бориса.

Поэтому, когда народъ собрался въ Кремль, чтобы выбрать царя, изъ толпы стали кричать: „Пусть патріархъ, кого ему Богъ укажетъ, того и изберетъ; тотъ и будетъ намъ царемъ!“ Патріархъ Іовъ не сталъ больше ждать, объявилъ, что на царство слѣдуетъ избрать Бориса; благожелатели его сейчасъ же стали громко кричать: „согласны!“, — и Борисъ былъ

избранъ царемъ. Многимъ было не понутру это избраніе, но боялись слово вымолвить: очень ужъ запуганъ былъ русскій народъ.

Борисъ будто не сразу согласился занять престолъ. Говорилъ, что недостоинъ, что есть люди получше его, что хочетъ провести жизнь въ молитвѣ. Но, наконецъ, согласился.

5.

Вступивъ на престолъ, Борисъ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, которыми надѣялся расположить къ себѣ народъ. Съ этой цѣлью онъ освободилъ сельскій людъ на годъ отъ всѣхъ податей, далъ торговымъ людямъ право безпошлинной торговли на два года; многихъ людей, заключенныхъ при прежнихъ царяхъ, выпустилъ изъ тюремъ. Обладая самъ несмѣтными богатствами, широко раздавалъ милостыню. Наконецъ, отмѣнилъ смертныя казни.

Но несчастливо было царствованіе Бориса и велики были бѣдствія народныя. Искалъ народъ источника своихъ бѣдствій и всѣ ихъ приписывалъ Борису.

Томился народъ въ кабалѣ у служилыхъ людей. Не могъ снести онъ своей неволи. Убѣгали холопы отъ помѣщиковъ, вступали они въ казачьи вольныя дружины, собирались въ воровскія и разбойничьи шайки. Даже въ самой Москвѣ опасно было выходить ночью на улицу, и каждое утро подбирали на улицахъ по нѣскольку человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Какъ на бѣду, разразился при Борисѣ страшнѣйшій голодъ. Въ теченіе весны и лѣта шли проливные дожди и было холодно; хлѣбъ не успѣлъ созрѣть за лѣто, а 15 августа ударилъ морозъ, и все погибло. На слѣдующій, 1602 г., опять былъ полный неурожай.

Московское государство постигла въ тѣ годы такая бѣда, какой, какъ говорили, не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Народъ умиралъ отъ голода. Помѣщики, въ урожайные годы закрѣпощавшіе себѣ крестьянъ, теперь гнали ихъ изъ своихъ помѣстьевъ и отказывались кормить. Цѣна на хлѣбъ поднялась до такой высоты, что народъ совсѣмъ не могъ его покупать. Тогда царь велѣлъ открыть свои житницы и продавать хлѣбъ изъ нихъ ниже ходячей цѣны, а очень бѣднымъ приказалъ выдавать деньги. Но всего этого было недостаточно. Голодныхъ было столько, что невозможно было всѣхъ накормить изъ царскихъ житницъ. А милостыню царскую воры-чиновники раздавали своимъ родственникамъ, переодѣтымъ въ лохмотья.

Между тѣмъ, въ надеждѣ на царскіе дары, въ Москву стекались со всѣхъ сторонъ толпы нищихъ. Не хватало царской казны. И приходилось бѣднякамъ ѣсть сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, всякую

падаль, „такую мерзость, что,—какъ говоритъ лѣтопись,—и писать недостойно“. И гибли несчастные тысячами.

Разсказываютъ, что въ бѣшенствѣ люди пожирали даже другъ друга. Вареное человѣчье мясо продавалось на московскихъ рынкахъ. Было опасно останавливаться на постоялыхъ дворахъ. Проѣзжаго могли зарѣзать и съѣсть. Говорятъ, что матери пожирали своихъ дѣтей. Одинъ иностранецъ, проживавшій въ то время въ Москвѣ пишетъ:

„Свидѣтельствуюсь истиной и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые валялись на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти—своихъ родителей; хозяева—гостей. Мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ...“

Увидѣвъ, что милостыня мало помогаетъ бѣдѣ, Борисъ велѣлъ прекратить раздачу ея. Множество народа, шедшаго въ Москву въ надеждѣ на помощь, погибло тогда отъ голода. Современники говорятъ, будто въ одной Москвѣ погибло тогда болѣе ста тысячъ человѣкъ.

III.

1.

Не взлюбилъ измученный народъ Бориса, считалъ его царствованіе несчастнымъ, а его самого причиной всѣхъ бѣдъ. И охотно вѣрилъ онъ молвѣ, клеймившей Бориса убійцей царевича Дмитрія.

Очень ужъ темнымъ казалось все это дѣло. Народу приказывали вѣрить, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни. А въ то же время сослали въ Сибирь всѣхъ жителей Углича вмѣстѣ съ колоколомъ; многихъ предали жестокимъ казнямъ. Все это было таинственно, непонятно.

И среди всего этого мрака легко подхватывался всякій самый невѣроятный слухъ. Вспомнилось и то преданіе, которое разсказывалось во время высылки царевича Дмитрія съ матерью въ Угличъ, будто родственники подмѣнили тогда царевича Дмитрія другимъ мальчикомъ. Его самого будто уберегли и воспитывали въ тайнѣ.

Значитъ, царевичъ живъ, значитъ, онъ скоро явится и потребуетъ у Бориса отцовскаго престола. Мигомъ былъ подхваченъ этотъ невѣроятный слухъ и разлетѣлась по всей землѣ молва о томъ, что спасся царевичъ Дмитрій отъ Борисовыхъ козней, что идетъ на Бориса гроза.

Дошла и до Бориса роковая вѣсть. И безъ слѣда исчезло его доброе намѣреніе быть мягкимъ и милостивымъ правителемъ. Борисъ рѣшилъ, что у него есть враги, которые пустили эти слухи, чтобы погубить его. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало найти этихъ враговъ и уничтожить ихъ. Не понималъ онъ, что не во врагахъ тутъ все дѣло, а въ бѣдствіяхъ народныхъ, и что не казнями можно было устранить эти бѣдствія.

И вотъ снова начались ссылки и казни. Ѳеодора Романова насильно постригли въ монахи подъ именемъ Филарета. Всѣ родственники и свойственники Романовыхъ были сосланы въ отдаленныя мѣста; помѣстья и вотчины ихъ отобрали въ казну.

Шпіоновъ и доносчиковъ стали щедро награждать, хотя бы и за ложные оговоры. Современники разсказываютъ, что по московскимъ улицамъ „то и дѣло сновали мерзавцы да подслушивали". „И сталась,—говоритъ русскій лѣтописецъ,—у Бориса въ царствѣ великая смута: доносили и попы, и діаконы, и чернецы, и черницы, и проскурницы, жены на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей доносили".

Достаточно было одного шпіонскаго донесенія о хулѣ на государя, и подозрѣваемаго подвергали страшнѣйшимъ пыткамъ, а потомъ заключали въ тюрьму или отправляли въ ссылку.

Но на слѣды Дмитрія-царевича такъ и не удалось напасть.

Между тѣмъ пришла въ Москву вѣсть, что уже и въ Польшѣ идетъ рѣчь о томъ, будто законный наслѣдникъ престола живъ.

Забезпокоился Борисъ. Велѣлъ поставить караулъ по всей польской границѣ и никого черезъ нее не пропускать. Даже изъ города въ городъ трудно было ѣздить. Вездѣ стояли заставы.

И много было тогда схвачено и замучено невинныхъ людей, но того, кто именовался Дмитріемъ, все не было, а между тѣмъ мѣры, которыя Борисъ принялъ, чтобы найти своихъ недруговъ, только усилили ненависть къ нему какъ бояръ, такъ и всего народа.

Какъ на грѣхъ, то тамъ, то здѣсь стали видѣть разныя предзнаменованія, которыя якобы предвѣщали бѣду. Тамъ „ужасныя бури вырывали съ корнемъ деревья, перевертывали въ городахъ колокольни, срывали крыши. Тутъ не ловилась въ водѣ рыба; тамъ птицъ совсѣмъ не было видно; въ другомъ мѣстѣ женщина родила урода; а то еще домашнее животное произвело такое чудовище, о которомъ нельзя было сказать, что оно такое. На небѣ стали видѣть по два солнца и по два мѣсяца. Въ довершеніе всѣхъ ужасовъ явилась комета"... и т. д., и т. д.

Суевѣрный русскій народъ, измученный долгими бѣдствіями, готовъ былъ всякую досужую болтовню счесть за предзнаменованіе, за указаніе на грядущія бѣды. Всѣ ждали чего-то необычайнаго и готовы были вѣрить всякому слуху.

2.

Вотъ при такомъ-то тревожномъ настроеніи въ Москву пришла вѣсть, что въ Польшѣ, которая тогда еще была отдѣльнымъ государствомъ, имѣла своего короля и враждовала съ Россіей, уже появился царевичъ Дмитрій и что подъ его знаменемъ собирается большое ополченіе.

Борисъ пришелъ въ ужасъ. Надо было во что бы то ни стало убѣдить народъ, что въ Польшѣ появился самозванецъ, а не истинный Дмитрій; надо было точно узнать, кто этотъ дерзкій человѣкъ, присвоившій себѣ имя царевича.

Тогда въ Москву привезли мать царевича Дмитрія, Марію Нагую. Самъ Борисъ ее допрашивалъ, живъ ли ея сынъ или умеръ. Ему важно было, чтобы сама мать заявила, что ея сына нѣтъ въ живыхъ. Но Марія отвѣтила: „Я не знаю. Мнѣ говорили, что сына моего тайно увезли безъ моего вѣдома, а тѣ, что такъ говорили, уже умерли“. Ничего болѣе отъ нея нельзя было добиться. Борисъ услалъ ее въ заключеніе и приказалъ содержать съ большою строгостью.

Посовѣтовавшись съ патріархомъ, онъ рѣшилъ объявить, что человѣкъ, именующій себя Дмитріемъ,—не Дмитрій, а монахъ Гришка Отрепьевъ, бѣжавшій изъ монастыря. Патріархъ проклялъ этого Гришку и приказалъ предавать его анаѳемѣ во всѣхъ церквахъ.

Но это мало помогло дѣлу. Народъ говорилъ: „Пусть, пусть проклинаютъ Гришку. Отъ этого царевичу ничего не станется. Царевичъ—Дмитрій, а не Гришка“.

3.

Кто же былъ этотъ человѣкъ, который называлъ себя царевичемъ Дмитріемъ? Разныя свѣдѣнія даетъ о немъ исторія, но ни одно изъ нихъ нельзя назвать вполнѣ достовѣрнымъ. Одно только утверждаютъ наиболѣе солидные ученые, что истиннымъ царевичемъ Дмитріемъ онъ не былъ.

Тогда разсказывали, что этотъ молодой человѣкъ появился сначала въ Кіевѣ въ монашеской одеждѣ. Затѣмъ онъ очутился въ Польшѣ и поступилъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому, которому и объявилъ себя царевичемъ Дмитріемъ. Про то, какъ онъ заявилъ объ этомъ, сохра-

пились разныя преданія. Разсказывали, будто князь Адамъ Вишневецкій ударилъ его, и тогда слуга горько заплакалъ и сказалъ: „Если бы ты зналъ, кто я таковъ, ты не ругалъ бы и не билъ меня: я московскій царевичъ Дмитрій".

По другому сказанію, слуга Вишневецкаго заболѣлъ и, думая, что умретъ, просилъ духовника взять бумагу, которая была у него подъ постелью; изъ этой бумаги узнали, что онъ царскій сынъ. Ходили и другіе разсказы.

Но какъ бы то ни было, поляки, въ своихъ видахъ, сочли за лучшее повѣрить Дмитрію и рѣшили оказать ему поддержку. Поляки разсчитывали, что если Дмитрій достигнетъ престола, то они понастроятъ въ Россіи костеловъ и распространятъ тамъ католичество; надѣялись, что Дмитрій вернетъ имъ земли, отвоеванныя русскими у поляковъ, что онъ поможетъ королю польскому Сигизмунду овладѣть шведской короной; что онъ соединитъ Московское государство съ Польшею.

Вишневецкій повезъ Дмитрія къ своему тестю, богатому воеводѣ Юрію Мнишку. Здѣсь Дмитрій впервые увидѣлъ дочь Мнишка, Марину, и по уши влюбился въ нее. Мнишекъ сталъ мечтать о томъ, что дочь его будетъ русской царицей, что зять осыплетъ его, Мнишка, русскимъ золотомъ и дастъ ему во владѣніе русскіе земли.

Дмитрія представили даже польскому королю Сигизмунду. Онъ тоже сталъ думать о томъ, какъ поляки будутъ хозяйничать въ Русской землѣ если съ ихъ помощью Дмитрій добьется русскаго престола.

4.

Такимъ образомъ помощь Дмитрію со стороны поляковъ была обезпечена, и онъ принялся дѣйствовать: разослалъ грамоты въ Московскую землю, въ которыхъ звалъ русскій народъ идти отвоевывать у Бориса неправильно занятый имъ престолъ.

Вскорѣ къ Дмитрію явились посланцы отъ казаковъ, чтобы вывѣдать, дѣйствительно ли явился истинный царевичъ Дмитрій. Посланные рѣшили, что это такъ и есть.

И вотъ къ Дмитрію стали стекаться всѣ тѣ толпы, которыя уходили отъ московскихъ порядковъ въ степи, въ поискахъ за волей и лучшей жизнью. Поляки тоже выставили свое войско. И Дмитрій вступилъ въ предѣлы Московскаго государства.

Съ первыхъ же дней похода Дмитрія русскіе города стали измѣнять Борису. Жители выходили къ Дмитрію съ хлѣбомъ-солью, а воеводъ своихъ выдавали ему головой. И все новыя и новыя толпы приставали къ войску.

Правда, въ двухъ сраженіяхъ полчище Дмитрія было разбито Борисовыми войсками. Но все же на сторонѣ Дмитрія, а не Бориса, былъ русскій народъ.

Да и военные люди шли къ Дмитрію по собственному желанію, а за Бориса сражались только изъ страха.

Иностранецъ-современникъ разсказываетъ, что Борисъ разослалъ по всему государству гонцовъ съ приказомъ, что если кто уклонится отъ похода противъ Дмитрія, тотъ будетъ лишенъ имущества и даже жизни. Потомъ этотъ писатель прибавляетъ, что, дѣйствительно, „кто не слушался, былъ наказанъ: многихъ лишали помѣстья, другихъ сажали въ тюрьму или сѣкли плетьми такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглой“. Ну, конечно, при такомъ обращеніи съ служилыми людьми каждый втихомолку только и думалъ о томъ, чтобы въ удобную минуту измѣнить Борису и перейти въ войско Дмитрія, гдѣ были совсѣмъ другіе порядки.

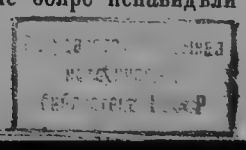
Дмитрій былъ простъ въ обращеніи и привѣтливъ. Притомъ заранѣе уже выказывалъ заботу о народѣ, о его просвѣщеніи. Такъ, онъ говорилъ: „Какъ только съ Божьею помощью стану царемъ, сейчасъ заведу школы, чтобы у меня во всемъ государствѣ выучились читать и писать; заложу университетъ въ Москвѣ, стану посылать русскихъ въ чужіе края, а къ себѣ буду приглашать умныхъ и знающихъ иностранцевъ, чтобы ихъ примѣромъ побудить моихъ русскихъ учить своихъ дѣтей всякимъ наукамъ и искусствамъ“.

Русскіе люди никогда еще не слыхивали такихъ рѣчей отъ своихъ государей. Къ тому же Дмитрій былъ милостивъ. Когда въ лагерь къ Дмитрію явились подосланные Борисомъ монахи, чтобы отравить его, то Дмитрій не велѣлъ ихъ казнить.

Борисъ же, сидя въ Москвѣ, преслѣдовалъ и казнилъ правыхъ и виноватыхъ, вездѣ подозрѣвая крамолу.

Въ это время въ лагерѣ Дмитрія проживалъ человѣкъ, который именовалъ себя Григоріемъ Отрепьевымъ. А, между тѣмъ, по всѣмъ церквамъ, по приказанію Бориса и патріарха, проклинали этого самого Григорія Отрепьева, будто бы назвавшагося Дмитріемъ-царевичемъ. Онъ же и не думалъ выдавать себя за царевича и спокойно жилъ въ лагерѣ Дмитрія. Такъ разсказывали всѣ его видѣвшіе. Какъ же тутъ было вѣрить Борису и патріарху?

Все это зналъ Борисъ и приходилъ въ отчаяніе. Негдѣ ему было искать поддержки. Знатные бояре ненавидѣли его за то, что онъ завла-



дѣлъ престоломъ, а ихъ устранилъ отъ власти; народъ страдалъ отъ своего безправія, отъ безчисленныхъ бѣдствій, обрушившихся на него въ царствованіе Бориса, и думалъ, что все спасеніе въ новомъ царѣ; въ войскѣ тоже началось броженіе и оно готово было измѣнить Борису. Наконецъ, самъ Борисъ не зналъ, кто же этотъ Дмитрій, къ которому такъ охотно шелъ русскій народъ.

И вотъ, 13 апрѣля 1605 года разнеслась по Москвѣ вѣсть, что умеръ Борисъ. Современники говорятъ, что онъ самъ лишилъ себя жизни, принявъ ядъ.

5.

Москва присягнула сыну Бориса, Ѳеодору. Но тутъ же многіе говорили: „Не долго царствовать Борисовымъ дѣтямъ. Вотъ Дмитрій Ивановичъ придетъ въ Москву“. Присягнуло и войско. Но, какъ выразился одинъ иностранецъ, русскіе исполняли эту присягу такъ точно, „какъ голодный песъ наблюдаетъ постъ“. Не прошло и трехъ недѣль, а воеводы со всѣмъ войскомъ уже измѣнили сыну Борисову.

Вѣсть объ измѣнѣ войска Ѳеодору Борисовичу быстро пришла въ Москву. Привезли также въ Москву грамоту Дмитрія, въ которой онъ призывалъ народъ присягнуть ему. Въ той же грамотѣ онъ обѣщалъ никого не казнить и не преслѣдовать за прежнія вины. Грамота эта была прочитана посланными Дмитрія на площади предъ большой толпой народа, собравшагося по колокольному звону.

Въ народѣ поднялись смятеніе и тревога. Одни кричали: „Будь здравъ, царь Дмитрій Ивановичъ!“ Другіе еще не вѣрили, точно ли къ нимъ идетъ истинный царевичъ Дмитрій. Наконецъ раздались голоса: „Шуйскаго! Шуйскаго! Онъ разыскивалъ, когда царевича не стало; пусть скажетъ теперь по правдѣ, точно ли царевича похоронили въ Угличѣ!“

Шуйскаго взвели на лобное мѣсто. Настала полная тишина. Народъ ждалъ его рѣшительнаго слова. И Шуйскій сказалъ: „Борисъ послалъ убить царевича, но царевича спасли, а вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ“. Забылъ этотъ вѣроломный бояринъ, что недавно говорилъ еще совсѣмъ другое. Сильно ненавидѣлъ онъ Годуновыхъ и нашелъ вѣрное средство погубить ихъ.

Сказаннаго имъ было достаточно. „Теперь,—закричала толпа,—нечего долго думать: все узнали; значитъ, настоящій Дмитрій живъ... Принесемъ ему повинную, чтобы онъ простилъ насъ по нашему невѣдѣнію. Долой Годуновыхъ!“.

Такъ была рѣшена участь семьи Годуновыхъ. Толпа бросилась въ Кремль. Ѳеодоръ сѣлъ на тронъ, въ надеждѣ, что съ трона его не посмѣютъ свести. Мать и сестра его стали рядомъ, съ образами въ рукахъ.

Но для народа Ѳеодоръ Борисовичъ былъ уже не царь, а измѣнникъ Ѳедька, и церемониться съ нимъ не стали. Его стащили съ престола и всю семью Годуновыхъ свезли затѣмъ на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ. Черезъ нѣсколько дней бояре убили Ѳеодора и его мать, а сестру Ксенію отвезли въ Дѣвичій монастырь. Всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ Годуновыхъ бросили въ тюрьмы, а дома ихъ разграбили. Приверженца Годуновыхъ, патріарха Іова, заперли въ монастырь.

IV.

1.

Наконецъ, 20 іюня 1605 года, новый царь торжественно въѣхалъ въ Москву. Казалось, что и бояре, и народъ этого желали, что теперь уже должно было настать успокоеніе. Но такъ только казалось.

Бояре хотѣли свергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ и воспользовались для этого именемъ Дмитрія. Онъ же не понравился имъ съ первыхъ же шаговъ. Когда они пріѣхали къ нему въ лагерь, онъ не оказалъ имъ почестей, на какія они разсчитывали, принялъ ихъ весьма сухо и нисколько не ставилъ выше казаковъ и всякаго другого народа, толпившагося въ лагерѣ. Кромѣ того многіе боялись, что Дмитрій отомститъ имъ за то, что они, вмѣстѣ съ Борисомъ, называли его Гришкой-разстригой.

Особенно опасался мести Дмитрія Василій Шуйскій. Вѣдь онъ еще такъ недавно свидѣтельствовалъ всенародно, что самъ похоронилъ царевича, что царевичъ зарѣзался въ Угличѣ. Могъ ли повѣрить новый царь искренности его словъ, когда теперь онъ говорилъ, что царевичъ не умеръ?

И вотъ прежде, чѣмъ царь въѣхалъ въ Москву, противъ него уже начали дѣйствовать бояре, съ Шуйскимъ во главѣ. Заговоръ, однако, обнаружился. Василій Шуйскій былъ приговоренъ къ смертной казни, но въ послѣднюю минуту царь помиловалъ его и только отправилъ въ ссылку.

Такое великодушіе царя привело народъ въ восторгъ. И вообще въ поступкахъ новаго царя было много такого, что могло привязать къ нему народъ.

Прежде всего Дмитрій послалъ въ Троицкій монастырь за своею матерью, Маріей Нагой. Онъ самъ выѣхалъ ей навстрѣчу. Свиданіе было самое нѣжное, какое, казалось, было возможно только между истинными матерью и сыномъ.

Свое вступленіе на царство Дмитрій ознаменовалъ многими милостями. Множество народа было возвращено изъ ссылки. Вскорѣ прощенъ былъ и Василій Шуйскій. При этомъ Дмитрій говорилъ: „Есть два способа царствовать: милосердіемъ и щедростью, или суровостью и казнями; я избралъ первый способъ; я далъ Богу обѣтъ, не проливать крови подданныхъ, и исполню его".

Царь самъ разбиралъ дѣла съ думными боярами и всѣхъ изумлялъ своимъ умомъ и смѣтливостью. Два раза въ недѣлю онъ принималъ всѣхъ, желавшихъ говорить съ нимъ лично, и внимательно выслушивалъ ихъ жалобы. Всѣмъ предоставлено было заниматься промыслами и торговлей; были сняты заставы, мѣшавшія свободному проѣзду изъ города въ городъ; разрѣшено было даже всѣмъ желающимъ ѣздить за границу, въ чужія страны.

Все это снимало оковы, въ которыя была заключена жизнь при прежнихъ царяхъ; все это освобождало подданныхъ изъ царской неволи. А кто же не любитъ свободы?! Нравился новый царь и много ждалъ отъ него народъ.

Къ несчастью томенъ былъ русскій народъ, приверженъ онъ былъ къ исконнымъ русскимъ обычаямъ, думалъ, что безъ нихъ и жить нельзя, не зналъ, что могутъ быть иные порядки, иная жизнь, куда лучше русской, не понималъ, что и безъ царя можно прекрасно жить, что необходимо измѣнить весь строй русской жизни, всѣ тѣ порядки, все то беззаконіе, которое и было причиной всѣхъ бѣдъ русскаго народа. Лишь спустя три вѣка, уже въ нашемъ XX вѣкѣ, додумались русскіе люди, что корень всего зла заложенъ въ негодномъ, самодержавно-чиновничьемъ строѣ государства русскаго.

Какъ бы то ни было, но тогда, въ ту смутную пору, не понимали этого русскіе люди и стали подмѣчать въ своемъ царѣ неуваженіе къ исконнымъ русскимъ обычаямъ. Недостаточно былъ онъ почтителенъ къ духовнымъ. Говаривалъ онъ имъ: „У насъ только одни обряды, а смыслъ ихъ укрытъ. Вы поставляете благочестіе только въ томъ, что сохраняете посты, поклоняетесь мощамъ, почитаете иконы, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры,—вы... считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а живете совсѣмъ не по-христіански, мало любите другъ друга; мало расположены дѣлать добро. Зачѣмъ вы презираете иновѣрцевъ?.. Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ отправляли богослуженіе по своимъ обрядамъ". Не нравились такія рѣчи. Не выгодны были онѣ духовенству. Не нравилось также и то, что царь не соблюдалъ постовъ, ходилъ въ польскомъ платьѣ, былъ при-

верженъ къ разнымъ польскимъ порядкамъ, велъ веселый образъ жизни. Къ тому же царь собирался вступить въ бракъ съ полькою Мариною Мнишекъ, и ужъ послалъ за ней гонцовъ въ Польшу. Съ ней должна была пріѣхать въ Москву польская свита. А русскіе люди не любили иностранцевъ.

2.

Всѣмъ этимъ воспользовались Шуйскіе, чтобы снова составить заговоръ противъ царя. Удобнымъ временемъ для выполненія кроваваго замысла оказался пріѣздъ въ Москву Марины Мнишекъ и наступившее затѣмъ свадебное торжество.

Вмѣстѣ съ Мнишками въ Москву наѣхало множество польскихъ пановъ съ толпою всякой челяди. Поляки навезли съ собою множество оружія. Москвичи недоумѣвали и спрашивали: „Развѣ въ заморскихъ земляхъ ѣздятъ на свадьбу съ оружіемъ?“ Къ тому же поляки вели себя въ Москвѣ крайне нагло и высокомѣрно. Они говорили москвичамъ: „Вотъ вся ваша казна перейдетъ къ намъ въ руки“. Что вашъ царь! Мы дали царя Москвѣ“. Какъ только поляки въѣхали въ Москву, сейчасъ начался пьяный разгулъ: они напивались и буйствовали, стрѣляли безъ нужды изъ ружей, оскорбляли женщинъ, затѣвали съ москвичами ссоры и драки. Все это раздражало народъ противъ поляковъ.

Къ тому же царь, упоенный любовью, забылъ все на свѣтѣ и веселился на пирахъ вмѣстѣ со всѣми. Во дворцѣ гремѣла музыка, не прекращались танцы, царь и царица танцевали, наряженные въ польскія платья. Все это было нарушеніемъ строгихъ нравовъ московскаго государства.

И подъ шумокъ заговорщики нашептывали народу: „Что это за царь! По всему видно, что онъ не настоящій сынъ Ивана: обычаевъ старинныхъ не держится, въ церковь ходитъ не такъ прилежно, какъ прежніе цари, и передъ образами не очень низко поклоны кладетъ, въ баню не ходитъ.... Нѣтъ, онъ не можетъ быть истинный Дмитрій!“

Одного такого шептуна схватили и привели къ царю. Но онъ и слушать не хотѣлъ: „Что за бѣда,—сказалъ Дмитрій,—пьяный болталъ. А хоть бы и трезвый, то я не хочу безпокоить себя всякой глупой болтовнею“.

Напрасно только царь былъ такъ безпеченъ: заговорщики не дремали,—у нихъ уже были обдуманы всѣ подробности кроваваго дѣла.

И вотъ въ 3 часа пополудни 17 мая въ Москвѣ зазвонили всѣ колокола. Толпы народа высыпали на улицу и услышали отъ заговорщиковъ, будто поляки собираются убить царя и перебить бояръ. Народъ, ненавидѣвшій

поляковъ, пришелъ въ ярость и бросился въ дома поляковъ. Чтобы увеличить смятеніе, Шуйскій со своими пособниками выпустилъ изъ тюремъ воровъ и преступниковъ. Имъ были указаны польскіе дома, и всѣ эти темные люди поспѣшили безнаказанно поживиться чужимъ добромъ.

Натравивъ такимъ образомъ народъ на поляковъ, Шуйскій съ заговорщиками поспѣшили въ Кремль, чтобы довершить свое кровавое дѣло.

Набатный звонъ разбудилъ царя; онъ подумалъ сначала, что гдѣ-нибудь пожаръ. Но дворъ Кремля былъ полонъ вооруженными людьми, а нѣкоторые успѣли уже проникнуть въ царскіе покои. Шуйскій подбадривалъ заговорщиковъ: „Кончайте скорѣе съ воромъ Гришкою Отрепьевымъ,—говорилъ этотъ вѣроломный бояринъ.—Если вы не убьете его, то онъ намъ всѣмъ головы сниметъ“.

Преданный царю Басмановъ хотѣлъ удержать толпу, но былъ убитъ на мѣстѣ. Дмитрій выступилъ впередъ и крикнулъ толпѣ: „Я вамъ не Борисъ“. Но что онъ могъ сдѣлать? Его вѣрную стражу Шуйскій еще наканунѣ отпустилъ по домамъ, якобы отъ имени царя.

Случайно выглянувъ въ окно, Дмитрій увидѣлъ во дворѣ отрядъ стрѣльцовъ, которые, онъ зналъ, были ему преданы. Онъ быстро вскочилъ на окно и думалъ спуститься по лѣсамъ, приставленнымъ къ стѣнѣ дворца, но сорвался и упалъ на землю, вывихнувъ себѣ ногу и лишившись на время чувствъ.

Стрѣльцы окружили его и хотѣли защищать. Тогда заговорщики пустились на хитрость и пригрозили стрѣльцамъ, что если они не выдадутъ Дмитрія, то вся толпа пойдетъ въ Стрѣлецкую слободу и перебьетъ стрѣлецкихъ женъ и дѣтей.

Стрѣльцы разступились. Заговорщики, вволю надругавшись надъ Дмитріемъ, убили его.

Тѣло его притащили къ Вознесенскому монастырю, гдѣ жила мать Дмитрія. Ее вызвали и спросили, ея ли это сынъ. Она, какъ говорятъ лѣтописи, отвѣтила: „Было бы меня спрашивать, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой“.

Надругавшись надъ тѣломъ Дмитрія, его сожгли, пепелъ всыпали въ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ Москву.

Несчастной Маріи Мнишекъ удалось спастись. Когда заговорщики ворвались въ ея спальню, главная ея гофмейстерина (придворная дама), толстая старуха, укрыла ее, какъ разсказываютъ, своей юбкой и тѣмъ спасла ее. Черезъ нѣсколько дней Марину перевезли въ домъ къ ея отцу и приставили къ нимъ стражу.

Множество поляковъ погибло вмѣстѣ съ Дмитріемъ; чуть не все ихъ имущество было до тла разграблено. Пословъ же польскихъ задержали въ Москвѣ заложниками изъ страха, чтобы поляки не вздумали мстить за московскую рѣзню.

Такъ кончилось кратковременное царствованіе самозваннаго царя Дмитрія Ивановича, на котораго народъ возлагалъ столько надеждъ.

Снова властью завладѣли боярскіе и княжескіе роды, и мало добра могъ ожидать отъ нихъ народъ.

V.

1.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Дмитрія зазвонили въ Москвѣ всѣ колокола и народъ сбѣжался на площадь. Здѣсь уже было много приверженцевъ Василія Шуйскаго, которые сновали въ толпѣ. Они-то и стали кричать, что не подобаетъ народу быть безъ царя и назвали желаннымъ царемъ Василія Ивановича Шуйскаго. Нѣкоторые пытались было возражать, что надо созвать выборныхъ отъ всего государства, но наемные крикуны перекричали ихъ и такимъ образомъ „выкрикнули“ царемъ Василія Ивановича Шуйскаго.

Немедленно была разослана по всѣмъ городамъ грамота о томъ, что воръ Гришка Отрепьевъ умеръ, а на престолъ, якобы всѣмъ народомъ, избранъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Народъ сначала оцѣпенѣлъ и не могъ сразу понять, что это такое дѣлается въ Москвѣ. Только что былъ царемъ Дмитрій Ивановичъ, всѣ его признавали сыномъ Ивана Грознаго, признала его и родная мать,— а тутъ вдругъ въ церквахъ читаютъ, что это былъ не царевичъ, а Гришка-разстрига. Убиваютъ его безъ всякаго суда, а на престолъ садится новый царь; царя же этого вовсе не земля Русская выбирала, а „выкрикнули“ его приверженцы, такъ что москвичи, и тѣ оглянуться не успѣли.

Уже черезъ нѣсколько дней Москва начала волноваться, и появился слухъ, что Дмитрій живъ и убѣжалъ въ Польшу.

Не затихли толки объ этомъ и тогда, когда, по приказанію Шуйскаго, торжественно были привезены въ Москву мощи царевича Дмитрія. Не помогла и грамота, написанная будто бы отъ имени Маріи Нагой. Въ этой грамотѣ она клялась, что ложно признала своимъ сыномъ разстригу, а что сынъ ея, царевичъ Дмитрій, убитъ въ дѣтствѣ.

2.

Но все это мало помогло. Вѣсть о томъ, что царь Дмитрій Ивановичъ снова пойдетъ на Москву, быстро разнеслась по всей Русской землѣ, и многіе города сейчасъ же отложились отъ Москвы.

Первыми возстали окраинные города, гдѣ такъ много было холоповъ, искавшихъ здѣсь воли. Не понравилось этой русской вольницѣ, что бояре, ихъ заклятые враги, самовольно низвергли одного царя и, не спросивъ всей земли, поставили другого. Не нравился имъ и новый царь. Чего могли ожидать они отъ царя изъ бояръ, которые закабаляли ихъ въ рабство? Надо было свергнуть ненавистное боярское правительство. И потому шла на Москву русская вольница не столько за Дмитрія, сколько за свои права, противъ своихъ угнетателей.

Во главѣ мятежной рати сталъ бывшій холопъ Болотниковъ. Въ дѣтствѣ онъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ туркамъ, въ оковахъ работалъ на каторгѣ; наконецъ, былъ освобожденъ во время войны съ итальянцами, а изъ Италіи вернулся уже на родину. Возвращаясь черезъ Польшу, онъ здѣсь познакомился съ человѣкомъ, желавшимъ слыть за новаго Дмитрія.

Отсюда Болотниковъ пришелъ въ окраинные города и именемъ Дмитрія сталъ призывать народъ идти противъ московскихъ порядковъ.

Все, что было унижено и угнетено, возстало противъ власти бояръ. Воеводъ и начальниковъ связывали и отправляли на судъ къ народнымъ вождямъ, дома бояръ разоряли и грабили. Крестьяне возстали противъ помѣщиковъ, подчиненные—противъ начальниковъ, бѣдные—противъ богатыхъ, безродные—противъ родовитыхъ и настала великая разруха въ землѣ русской и едва не погибло русское государство.

Городъ за городомъ вставалъ противъ Шуйскаго и толпы народа стекались въ станъ Болотникова. Вся эта рать подошла къ самой Москвѣ и остановилась въ селѣ Коломенскомъ. На помощь къ Болотникову пришли волжскіе казаки, во главѣ съ новымъ самозванцемъ, небывалымъ царевичемъ Петромъ.

Любопытна исторія этого Петра. Дѣло въ томъ, что чудесная жизнь перваго самозванца, сидѣвшаго на русскомъ престолѣ, слухи о его спасеніи,—все это было большимъ соблазномъ для вольнолюбивыхъ казаковъ. Было же среди казаковъ много голытьбы, бѣглыхъ холопей, которымъ нечѣмъ былъ кормиться. Вотъ и надумали они идти на Волгу пограбить торговыя суда. А чтобы грабежъ прикрыть, сочинили цѣлую исторію про царевича Петра. Будто у царя Ѳедора вмѣсто дочери былъ сынъ Петръ и

будто сына подмѣнили дочерью; эта названная дочь будто умерла, а настоящій сынъ-царевичъ здравствуетъ.

Стали выбирать, кому быть Петромъ. Для этого дѣла годились двое,—казаки Митька и Илейка. Но Митька сказалъ: „Я на Москвѣ никогда не бывалъ и никого тамъ не знаю. Я родился и жилъ все въ Астрахани".

„А я,—сказалъ Илейка,—въ Москвѣ бывалъ, какъ жилъ въ Нижнемъ, такъ ѣздилъ въ Москву и прожилъ тамъ съ Рождества до Петрова дня".

— „Ну, такъ тебѣ же быть Петромъ!"—воскликнули казаки. Такъ и сталъ Илейка царевичемъ Петромъ.

Къ самозванцу Петру пристали толпы казаковъ. Они отправились сначала на Волгу, но здѣсь были получены грамоты, призывавшія ихъ на помощь къ Болотникову.

Со своими атаманами и царевичемъ Петромъ,—иначе „воромъ Петрушкой",—поспѣшили они на подмогу къ Болотникову.

Между тѣмъ въ войскѣ Болотникова ждали Дмитрія, а онъ все не являлся. Тогда началось здѣсь броженіе. Первые оставили Болотникова мелкіе служилые люди. Пристали они къ нему сначала, потому что не хотѣли власти Шуйскаго и высшаго боярства. Но рать Болотникова говорила о возстаніи холопей противъ бояръ, бѣдныхъ—противъ богатыхъ. Не по вкусу пришлись такіе толки служилымъ людямъ. Гордые своимъ боярствомъ, ушли они въ Москву къ Шуйскому. Не хотѣли они сравняться съ холопами.

Измѣна служилыхъ людей ослабила силы Болотникова. Отъ Москвы ему пришлось уйти и вмѣстѣ съ Петромъ заперся онъ въ Тулѣ.

Долго царское войско осаждало въ Тулѣ мятежниковъ, но никакъ не могло ихъ оттуда выбить. Наконецъ, пришелъ къ Шуйскому какой-то человѣкъ, называвшійся Мѣшокъ Кравковъ. Былъ онъ большой „хитродѣлецъ", какъ о немъ тогда говорили. Онъ сказалъ царю: „Я обѣщаю тебѣ, государь, потопить Тулу водою. Они сдадутся".

И, дѣйствительно, хитродѣлецъ сдѣлалъ во всю ширину рѣки Упы, которая протекаетъ черезъ Тулу, такую высокую плотину, что теченіе рѣки прервалось. Вода вышла изъ береговъ и залила Тулу. Хлѣбные и вевкіе прочіе запасы были потоплены, и въ Тулѣ насталъ страшный голодъ. Люди ѣли дохлыхъ лошадей, мышей, кошекъ, собакъ, грызли кожу.

Оставалось—сдаться. Къ тому же Шуйскій обѣщалъ никого не казнить. Впрочемъ, и на этотъ разъ, какъ и всегда, слова у него разошлись съ дѣломъ. Названнаго Петра повѣсили, Болотникову выкололи глаза и потомъ утопили. Простыхъ плѣнниковъ сотнями бросали въ воду.

Тѣ же, которые остались въ живыхъ и ушли въ свои вольныя окраинныя мѣста, унесли въ сердцахъ своихъ еще большую ненависть и вражду къ ненавистному московскому правительству, къ знатнымъ князьямъ и боярамъ, которые многихъ плѣнниковъ опять забрали въ кабалу.

И говоритъ объ этихъ людяхъ одно сказаніе того времени: „Прибѣжавъ отъ Тулы во свояси, снова составили они рать и снова воздвигли брань больше первой и вмѣсто тишины дохнули бурю, вздымавшуюся до облакъ и грозившую многомятежными дождями,—не водными, а кровавыми“.

3.

И вотъ, хоть и были разбиты главныя силы мятежниковъ, хоть и были казнены и потоплены ихъ вожаки, не прекратилась на Руси смута.

У казаковъ стали появляться разные самозванные царевичи, даже и такіе, какихъ никогда не существовало. Объявился еще одинъ Петръ-царевичъ. Потомъ Ѳедоръ, Клементій, Савелій, Симеонъ, Василій, царевичъ Гаврилка, Мартынка, Ерошка, Лаврентій, и даже „царевичъ Августъ—князь Иванъ“.

Но всѣ они быстро исчезали, не оставляя по себѣ памяти. И только одному самозванцу, второму Дмитрію, удалось собрать вокругъ себя большое полчище. Здѣсь были и казаки, и бѣглые холопы, которые все еще надѣялись на сверженіе ненавистныхъ бояръ. Были здѣсь и поляки, которые хотѣли отомстить москвичамъ за гибель въ Москвѣ поляковъ, за плѣнъ польскихъ пословъ; было здѣсь много и такого народа, который просто искалъ приключеній и легкой наживы.

Все это полчище весною 1608 года подошло къ Москвѣ и заняло село Тушино. Отъ него то второй Дмитрій, уже прозванный „воромъ“, получилъ еще названіе „Тушинскаго“.

Между тѣмъ Василій Шуйскій поспѣшилъ заключить перемиріе съ поляками и отпустилъ въ Польшу Марину съ ея отцомъ. Но ихъ по дорогѣ догналъ предводитель поляковъ Янъ Сапѣга и, увѣривъ Марину, что мужъ ея спасенъ, привезъ ее въ Тушино.

Увидѣвъ, что новый Дмитрій вовсе не ея мужъ, Марина долго плакала и не хотѣла признать его Дмитріемъ. Но ее уломали и она разыграла комедію, представившись вѣрной женой Тушинскаго вора.

„Воръ“ утвердился въ Тушинѣ и тутъ начались переходы изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина въ Москву, къ великому соблазну всего народа. Перебѣжчикамъ, являвшимся съ повинною, платили и тутъ, и тамъ. И не

мало было такихъ, которые, прельстившись наградой, по нѣсколько разъ перебѣгали отъ вора къ Шуйскому и обратно. Не было тогда вѣры ни въ вора, ни въ Шуйскаго. Но не могли они и одолѣть другъ друга.

Тогда Шуйскій рѣшилъ обратиться за помощью къ шведамъ, и шведы двинулись въ Россію. А въ то же время король польскій Сигизмундъ подступилъ къ Смоленску, собираясь овладѣть всѣмъ московскимъ государствомъ.

Сигизмундъ потребовалъ, чтобы поляки, помогавшіе вору, оставили его и шли бы на помощь къ своему королю.

Тутъ самозванецъ увидѣлъ, что дѣло его плохо и, переодѣвшись въ крестьянское платье, тайкомъ бѣжалъ изъ Тушина въ Калугу.

Въ воровскомъ таборѣ произошелъ переполохъ. Не знали, что дѣлать, кому служить. Самозванный Дмитрій былъ въ бѣгахъ. Василія Шуйскаго ненавидѣли, боялись его мести.

Тогда придумали обратиться къ королю Сигизмунду, чтобы онъ отпустилъ на русскій престолъ своего сына, царевича Владислава. Съ этимъ и отправилась подъ Смоленскъ депутація изъ Тушинскаго лагеря. Въ этой депутаціи былъ и митрополитъ Филаретъ, въ мірскомъ званіи—Ѳедоръ Романовъ.

Сигизмундъ не далъ посламъ опредѣленнаго отвѣта. Онъ самъ втайнѣ замышлялъ стать русскимъ царемъ.

Тѣмъ временемъ въ Тушинскій лагерь пришла грамота отъ вора, который заперся въ Калугѣ. Онъ звалъ свое войско къ себѣ, въ Калугу.

Великое смятеніе было тогда въ Русской землѣ. За трехъ царей сразу стояли русскіе люди: одни за Шуйскаго, другіе за вора, третьи за польскаго королевича Владислава. Братъ ополчился на брата, и отъ этого было въ Русской землѣ большое разореніе.

Къ тому же и поляки, и казаки, стоявшіе за вора, и московское правительство,—всѣ нуждались въ средствахъ и обирали народъ. А вѣдь ужъ и прежде непосильны были налоги, взимавшіеся однимъ только московскимъ правительствомъ. Теперь же прибавились казаки и поляки, грабившіе и разорявшіе все, что встрѣчали на своемъ пути. Разореніе было полное и помощи ждать было неоткуда.

И была въ ту пору судьба народа русскаго въ его собственныхъ рукахъ.

И всталъ народъ, прекратилъ свои распри и исторгъ иноземнаго врага изъ предѣловъ своей отчизны. По дальше того не пошелъ въ ту смутную пору народъ русскій. Не сумѣлъ отстоять онъ своей воли, своей свободы. Крѣпко стоялъ онъ за свои исконные обычаи, думалъ, вся сила въ дурномъ или хорошемъ царѣ и не зналъ, что самые порядки русскіе въ корнѣ измѣнить было надобно.

4.

Прежде всего расправились съ Василіемъ Шуйскимъ. Ужъ и раньше поднимались въ Москвѣ мятежи противъ Шуйскаго. Царь Василій „человѣкъ глупъ и нечестивъ, пьяница и блудникъ", „надобно перемѣнить царя Василія, онъ сѣлъ на престолъ самовластно и не всею землею выбранъ",—говорили мятежники. „Царь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ,—кричала толпа:—изъ-за него кровь льется и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ!".

Тѣмъ временемъ къ Москвѣ снова подступилъ „воръ", успѣвшій уже собрать свою рать; съ другой стороны подступили поляки.

Тогда москвичи собрались на совѣтъ и говорили: „Московское государство доходитъ до конечнаго разоренія и расхищенія. Тутъ пришли на него поляки и Литва, а тамъ калужскій „воръ"; съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно и льется христіанская кровь; отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца. Василій Ивановичъ не по правдѣ сѣлъ на царство и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобы оставилъ престолъ, и къ калужскимъ людямъ пошлемъ: пусть они своего „вора" оставятъ, и мы сообща выберемъ всею землею царя и станемъ тогда единомысленно на всякаго врага".

Сейчасъ послали въ лагерь къ „вору". Оттуда отвѣтили: „Сведите Шуйскаго, а мы своего Дмитрія тотчасъ свяжемъ и привеземъ въ Москву".

Тогда толпа народа отправилась въ Кремль къ Шуйскому. Тутъ ему сказали: „Долго ли за тебя кровь христіанская литься будетъ? Ничего добраго въ царствѣ твоемъ не дѣлается. Земля наша черезъ тебя раздѣлилась, разорена и опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; ты погубилъ многихъ невинныхъ... Сжалься надъ умаленіемъ нашимъ. Положи посохъ свой! Сойди съ царства, а мы посовѣтуемъ о себѣ иными мѣрами".

Разсердился Шуйскій, не хотѣлось ему съ властью своею разставаться. Но дѣлать было нечего, Съ престола его все же свели и отвезли на его старый боярскій дворъ. Потомъ бывшаго царя силою постригли въ монахи.

Свергнувъ Шуйскаго, москвичи тотчасъ извѣстили о томъ войско вора. Но тутъ обнаружился обманъ. Москвичамъ со смѣхомъ отвѣтили, что очень рады сверженію Шуйскаго, но своего царя не выдадутъ.

5.

Властью временно завладѣлъ совѣтъ изъ семи бояръ. Но къ боярамъ народъ не питалъ довѣрія. Нужно было выбирать царя.

Признать царемъ самозванца бояре не могли. Вѣдь его рать хотѣла свержепія боярской власти. Оставалось отдаться подъ покровительство поляковъ. Только польское войско могло бы защитить Москву отъ воровской голытьбы.

Тогда и московскіе бояре, подобно тушинскимъ, рѣшили просить на престолъ королевича Владислава. Подъ Москвой въ то время стоялъ польскій гетманъ Жолкѣвскій, и съ нимъ московскіе бояре вошли въ переговоры.

Жолкѣвскій согласился признать Владислава русскимъ царемъ, и тогда его со всѣмъ войскомъ впустили въ Москву.

Но договоръ Жолкѣвскаго съ москвичами не по вкусу пришелся королю Сигизмунду. Онъ самъ хотѣлъ сѣсть на русскій престолъ и отозвалъ Жолкѣвскаго изъ Москвы.

Жолкѣвскій привезъ съ собой въ польскій лагерь свергнутаго царя Василія Шуйскаго. Впослѣдствіи онъ былъ привезенъ въ Варшаву и умеръ здѣсь, недолго протомившись въ плѣну.

VI.

1.

Между тѣмъ намѣренія Сигизмунда заставили опомниться русскихъ людей, открывшихъ ворота польскому войску. Они сразу увидѣли, какая страшная опасность грозитъ государству.

Поляки распоряжались на Руси, какъ въ завоеванной странѣ. Польская стража день и ночь стояла на стѣнахъ Москвы; вооруженные польскіе отряды безпрестанно разъѣжали по столицѣ; надъ жителями они чинили всякія насилія. Грабили ихъ имущества; казну расхищали, какъ свою собственную. Въ то же время Сигизмундъ все еще осаждалъ Смоленскъ и лилъ русскую кровь. Русскіе послы изъ-подъ Смоленска писали отчаянныя письма, призывая русскій народъ къ спасенію отечества.

Надо было бросить междоусобныя распри и всѣмъ соединиться, чтобы изгнать изъ Россіи общаго врага—поляковъ.

2.

Какъ только вѣсть о томъ, что творили поляки, дошла до рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, онъ тотчасъ сталъ разсылать по русскимъ городамъ грамоты съ призывомъ встать противъ поляковъ. Такіе же грамоты писалъ изъ Москвы патріархъ Гермогенъ.

Тѣмъ временемъ одинъ татаринъ убилъ калужскаго „вора", и это развязало руки русскимъ людямъ. Теперь не изъ-за чего было враждовать, можно было соединиться всей землей противъ поляковъ.

Грамоты, призывавшія народъ къ возстанію противъ иноземнаго вторженія, быстро передавались изъ города въ городъ. Вездѣ собирались сходки и составлялись приговоры о томъ, чтобы идти къ Москвѣ выручать ее отъ поляковъ. Возстаніе охватило многіе города, и весною 1611 года къ Москвѣ двинулось большое войско подъ предводительствомъ Ляпунова, Заруцкаго и Трубецкаго. Заруцкій и Трубецкой вели казаковъ, прежде служившихъ самозванцу.

Между тѣмъ въ Москвѣ было не спокойно. Поджидая близкую помощь, москвичи стали готовиться къ битвѣ съ ненавистными поляками.

Наступилъ вторникъ Страстной недѣли. Въ Москву съѣхалось множество извозчиковъ. Поляки хотѣли, чтобы они помогли втащить на стѣны Кремля пушки. Но извозчиковъ ни деньгами, ни угрозами не удалось принудить къ этому. Тогда поляки поняли, что дѣло тутъ не спроста, и съѣхались извозчики не для заработка, а для того, чтобы заградить своими санями улицы и тѣмъ помочь русскому ополченію. Поляки напали на извозчиковъ и стали рубить направо и налѣво. Произошла свалка. Раздался набатный звонъ, и вся Москва встала, какъ одинъ человѣкъ.

Народъ толпами хлынулъ въ Бѣлый-городъ (часть Москвы), гдѣ уже улицы были заставлены санями, столами, скамьями, разной рухлядью. Изъ-за этихъ загородокъ—баррикадъ русскіе стрѣляли въ поляковъ, бросали въ нихъ камни и бревна. А въ это время уже входило въ Москву русское ополченіе.

Поляки увидѣли, что имъ не устоять, и прибѣгли къ послѣднему средству: они зажгли съ разныхъ сторонъ Москву и сами заперлись въ Кремлѣ. Москва пылала, и русскія войска не могли пробраться черезъ этотъ сплошной костеръ.

Три дня горѣла Москва. На пепелищѣ поляки праздновали свою побѣду. Воспользовавшись общей сумятицей, они ограбили церкви, богатые дома. Жемчугу набрали столько, что заряжали имъ ружья и стрѣляли въ москвичей.

Русское ополченіе остановилось подъ Москвою и каждый день вступало въ битву съ поляками.

Къ несчастью, русскіе все еще не отвыкли отъ вѣчныхъ распрей между собою. Въ лагерѣ возникли раздоры, и Ляпуновъ былъ убитъ.

Тогда Заруцкій провозгласилъ царемъ маленькаго сына Марины, которая послѣ смерти второго самозванца всюду слѣдовала за Заруцкимъ.

Въ то же время Сигизмундъ взялъ, наконецъ, Смоленскъ и увезъ русскихъ пословъ плѣнниками въ Польшу. А шведы, бывшіе союзниками рус-

скихъ, взяли приступомъ Новгородъ и заставили новгородцевъ признать своимъ государемъ шведскаго королевича. Въ Псковѣ же объявился новый самозванецъ.

По всей Руси шатались шайки поляковъ, грабившія и убивавшія жителей и сжигавшія ихъ жилища. Зимою народъ, лишенный теплаго угла, замерзалъ по полямъ и дорогамъ. Болѣе удалые собирались въ шайки и совершали внезапные набѣги на польскіе отряды.

Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, въ тотъ годъ случился неурожай, и наступилъ голодъ. „И было тогда, — говоритъ современное сказаніе,—такое лютое время Божія гнѣва, что люди не чаяли впредь себѣ спасенія; чуть не вся земля Русская опустѣла; и прозвали старики наши это лютое время „лихолѣтье“, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра“.

Но не все еще было кончено. Еще были на Руси люди которые готовы были положить свою жизнь, чтобы спасти родную землю отъ иноземного вторженія, отъ междоусобныхъ распрей.

3.

На этотъ разъ на защиту родины первымъ всталъ Нижній-Новгородъ. Здѣсь нашелся человѣкъ, Козьма Захарычъ Мининъ-Сухоруковъ, ремесломъ мясникъ, который сумѣлъ пробудить въ своихъ землякахъ и отвагу идти на бой, и желаніе пожертвовать свое имущество на общее дѣло.

„Православные люди!—говорилъ собравшемуся народу Мининъ.—Если захотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ животовъ нашихъ... Дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ“...

Скоро собралось ополченіе, главою котораго избрали князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Къ нижегородскому ополченію стали примыкать ратные люди изъ другихъ городовъ. Отовсюду несли на общее дѣло послѣднее имущество. Казначеемъ былъ избранъ Мининъ. Ополченіе немедленно двинулось къ Москвѣ.

Заруцкій увидѣлъ, что ему не одолѣть этой рати, и съ частью казаковъ бѣжалъ въ Астрахань. Убѣжала съ нимъ и Марина со своимъ четырехлѣтнимъ сыномъ. Впослѣдствіи всѣ они были взяты въ плѣнъ. Заруцкій и малолѣтній сынъ Марины были казнены; сама Марина умерла въ тюрьмѣ.

Подъ Москвой ополченіе вступило въ бой съ поляками и одолѣло врага. Тогда ополченцы осадили Кремль и Китай-городъ (часть Москвы), гдѣ заперлись поляки. У осажденныхъ скоро не хватило съѣстныхъ припасовъ, и, терзаемые голодомъ, поляки сдались. Первое, что увидѣли русскіе, войдя въ Кремль, это были чаны, наполненные человѣчьимъ мясомъ...

Такъ Москва была избавлена отъ поляковъ. Немедленно по всей Руси были разосланы грамоты, извѣщавшія русскій народъ о побѣдѣ надъ врагомъ.

Въ то же время въ Москву сзывались выборные люди отъ всей земли для избранія царя.

Когда выборные съѣхались въ Москву, по всей Московской землѣ былъ назначенъ строгій трехдневный постъ. На этотъ разъ хотѣли выбрать такого царя, который, дѣйствительно, заботился бы о благѣ народа, а не только о своемъ собственномъ, который бы не чинилъ беззаконія и произвола.

О польскомъ королевичѣ никто и слышать не хотѣлъ. Собирались избрать своего царя, русскаго. Думали, ему ближе будетъ русскій народъ.

Выборъ палъ на Михаила Ѳедоровича Романова. Отецъ Михаила Ѳедоровича, митрополитъ Филаретъ, находился въ то время въ польскомъ плѣну. Самъ Михаилъ, которому было всего шестнадцать лѣтъ, жилъ съ своею матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Туда отправилось изъ Москвы посольство просить молодого царя на царство. Мать съ сыномъ не сразу согласились. Помнили они судьбу Годуновыхъ, перваго Дмитрія, Шуйскаго.

Послы, однако, упросили ихъ, и 11 іюля 1613 года Михаилъ Ѳедоровичъ былъ вѣнчанъ на царство.

Черезъ шесть лѣтъ вернулся изъ польскаго плѣна и митрополитъ Филаретъ.

* * *

Такъ окончилась первая великая смута земли Русской.

На престолѣ сидѣлъ законный царь, выбранный всѣмъ народомъ. Но лучше ли стало народу, освободился ли бѣдный людъ изъ своей рабской доли? Нѣтъ, еще крѣпче закабалили его царскіе слуги, еще большія нависли на немъ тяготы.

Была надломлена сила народная въ долгой тяжелой борьбѣ, и затихъ, зловѣщій шумъ народной смуты. Но затихъ лишь на время, до новой всенародной смуты, которая и разразилась 27 февраля 1917 г. Окрѣпла сила народная, яснѣе понялъ народъ, какіе нужны въ государствѣ порядки, забылъ онъ междоусобныя распри для согласной борьбы за общее, народное дѣло и свергнулъ онъ и царя, и царское правительство и завелъ въ русскомъ государствѣ новые свободные порядки.

И оправдались уже слова лѣтописца: тѣ люди, внуки и правнуки тѣхъ людей снова составили рать, и снова воздвигли брань больше первой и вмѣсто тишины дохнули бурю, вздымавшуюся до облакъ и разразившуюся многомятежными дождями,—не водными, а кровавыми. И только послѣднее слово лѣтописца не оправдалось: добръ и мягокъ русскій народъ. Не обагрилъ онъ рукъ въ крови своихъ враговъ, и не были тѣ многомятежные дожди кровавыми.

Конецъ.